

С баком гелия в руках, Юсефф вошёл в центральный внутренний двор, где его ждала остальная часть семьи. Они все стояли вместе на маленьком мостике через прудик, пока дождь продолжал идти, заполняя тишину постукиванием капель. Его жена держала Эмилию за руку, пока та становилась бледнее с каждым шагом Юсеффа. Другие дети стояли рядом, но больше никого рядом не было, всех слуг семьи на оставшуюся часть вечера он отпустил. За исключением, конечно, четырёх жнецов, что тоже присутствовали.

Для Юсеффа жнецы были большими летучими мышами, размером с гиену, да и с мордами теми же, но несмотря на это, с крыльями и светящимися белыми глазами. У них была любопытная привычка висеть кверху ногами, как у обычных летучих мышей, вот только они ни за что не держались, а просто парили в воздухе.

Среди жнецов здесь было по одному на Юсеффа, его жену Марианну, и Франциско. Последним был жнец для оживления Эмилианы.

И Юсефф потянулся к ней, прижал прозрачную маску к её лицу. Эмилия вдруг начала трястись. – Мама, папа, пожалуйста! – воскликнула она. – Я не могу!.. Пожалуйста! Не заставляйте меня делать это! – Она уже была на грани слёз и пыталась вырваться, но мама крепко её держала.

Часть его хотела обругать девочку. Она не знала, насколько это хорошее событие. По традиции её должны были утопить, но испытав это лично, Юсефф решил освободить своих детей от такой агонии. Он помнил свой переход слишком ярко. Паника и ужас. В этом самом прудике. Гелий был совсем не такой. Как и смерть Франциско, смерть Эмили будет совершенно безболезненной, она просто уснёт.

Он хотел рассказать это всё ей, всё, что она уже и так знала, что ей уже и так говорили, но взглянув на лицо своей испуганной девочки, он понял, что сердце его медленно слабеет. Он опустил маску.

Все посмотрели на него, и тут же был задан беззвучный вопрос. Его собственным жнецом.

– 'Юсефф, ты что делаешь?' – спросил Аксиолис.

– Мы подождём ещё немного, – сказал Юсефф и погладил Эмили по голове.

Его жена не выглядела довольной. – Юсефф, – сказала она, и он понимал, что она сказала бы больше, если бы рядом не было детей. К счастью для неё, Аксиолис был более чем рад вмешаться.

– 'Не следует задерживаться без хорошей причины,' – сказал жнец. – 'Ничего хорошего ты девочке откладыванием неизбежного не сделаешь.'

Юсефф решил проигнорировать его и вместо этого взглянул на жнеца, предназначавшегося Эмили. – Извиняюсь за неудобства.

– 'Я не спешу,' – сказал другой жнец. – 'Я очень терпелива.' – Её звали Чергоа.

Юсефф благодарно кивнул.

Маркос подошёл к сестре. – Эй, если Эми не хочет жнеца, тогда его возьму я.

Юсефф раздражённо вздохнул. – Нет, Маркос. Эмилиана всё равно получит своего жнеца. Просто не сегодня.

Облегчение на лице Эмили стало менее очевидным, но она всё равно кивнула. – Спасибо, папа...

– Франциско, проследи за тем, чтобы все отправились в постель, – сказала Марианна.

– Да, энмэм.

Вернувшись в здание, они с детьми разошлись в разные стороны. Длинный коридор был изнизан арками словно рёбрами, пока они шли в хозяйские спальни Главного Дома, у них было полно времени на разговор. Все четыре жнеца следовали за ними.

– Ты же знаешь, что это не просто потому, что она напугана, верно? – спросила Марианна.

– Да, – ответил Юсефф.

– Ей не нравятся её сёстры. Гема и Рамира те ещё сорванки, но Эмилиана девочка такая, какой и должна быть девочка.

Юсефф странно взглянул на свою жену, с любопытством и раздражением, как показалось ей.

– Она хочет выйти замуж молодой и жить мирно, как её мать, – продолжала Марианна. – Она хочет себе иную жизнь, без всей этой суматохи, что несёт за собой имя Элрой.

Он глубоко вдохнул. – Я знаю.

– Тогда почему ты ей потакаешь? Будет лучше решить всё сейчас.

– Потому что я думаю; так ли это обязательно.

Она пришли в свою комнату и Юсефф вошёл первым, в то время как Марианна остановилась в дверном проходе. – Ты о чём?

Юсефф взглянул на Чергоа. – Я знаю, Вы не на это договаривались, но позволите ли Вы жить Эмили спокойной жизнью, если она будет слугой?

Чергоа развернула свои чёрные крылья. – 'Хм. Думаю, это я могу. Ну а ты что думаешь, Аксиолис? Это ты меня завербовал во все эти дела Авангарда.'

Все взгляды направились на Аксиолиса, и некоторое время жнец просто смотрел на Юсеффа. – 'Если честно, то меня эта идея не устраивает. Как и не устроит генерала.'

– Генерал не отец Эмили, – возразил Юсефф. – Как и ты.

– 'Да,' – сказал Аксиолис, – 'но я думаю, что здесь причина будет в том, что ты забираешь жнеца Авангарда для личного использования.'

– Чергоа ещё не вступила в Авангард, – заметил Юсефф.

- 'Это может не иметь значения.'

- 'А ей вообще обязательно нужен жнец?' - спросила Чергоа. - 'Если она хочет жить мирно, то зачем ей всё это?'

- 'Потому что она Элрой,' - ответил Аксиолис за Юсеффа. - 'Даже, если она изменит имя и уедет далеко отсюда, проблемы могут однажды её догнать.'

- 'А. Так я буду «планом б», значит.'

- Я бы хотел попросить Вас подготовить её, - сказал Юсефф. - Если она будет вынуждена сражаться, я хочу, чтобы она могла постоять за себя.

- 'Это я могу,' - ответила Чергоа.

- 'А что думает леди Элрой об этом?' - спросил Аксиолис. - 'Согласна со своим мужем?'

- Я думаю, что сердце подростка непостоянно и неуверенно, - ответила Марианна. - Может, сейчас она желает спокойной жизни, но что будет через пять лет? Или десять?

- Я не знаю, но не хочу, чтобы мы решали за неё.

- Но мы решили за Франциско.

Его лицо потемнело. - Как и за Гему.

Марианна напряглась, глаза наострились, за мгновение до того, как она увела взгляд. - Гема сделала свой собственный выбор.

- Только после того, как мы отобрали тот выбор, что она хотела сделать.

Женщина покачала головой и села на их кровать. - И когда ты стал таким снисходительным? - сказала она, всё ещё не поворачивая на него головы. - Мне казалось, я вышла за рейнлорда. (*рейн - дождь)

- 'Дождь не всегда холодный,' - сказал Аксиолис, удивив Юсеффа, не ожидавшего того, что жнец будет его защищать.

Как и Марианну, - Я думала, ты на моей стороне.

- 'Как Авангардец - да. Но как его жнец и как тот, кто считает вашу семью и своей тоже, я нахожу его слова убедительными.'

Марианна вздохнула. - И всё это потому, что ты не выдержал испуганного взгляда дочери.

Юсефф только сложил руки.

- Эх, ладно, - уступила Марианна. - Если это твоё решение, то я приму его.

- Спасибо, - поблагодарил Юсефф.

- 'Что ж, когда желаете провести церемонию, в таком случае?' - спросила Чергоа.

- Следующей ночью, - ответил Юсефф. - Этого времени будет более чем достаточно, чтобы я

мог объяснить ей изменения в планах.

- 'Ладно. Я тогда пока побуду страшным призраком у ваших соседей.'

-+-+--+--

Давид спускался по длинной лестнице к низу стерильно-белой тюрьмы. Она не очень соответствовала виду средневековой темницы, какая была в его мыслях, но он полагал, что жуткое спокойствие и чистота предлагали иной вид дискомфорта.

Два стражника безмолвно сопровождали его, и вскоре он оказался перед прозрачной стеной комнаты, с переговорным устройством по центру. Давид нажал кнопку с правой стороны, чтобы его голос мог донестись до собеседника. - Привет, Лютер.

Лютер сел и наклонил голову. - Давид. Я уже начинал думать, что ты про меня забыл.

- Оу, уже совсем скоро к тебе будет приковано очень много внимания.

- А. Значит меня казнят? Через суд, полагаю?

- Решение будет вынесено судом, да, но не казнят. Мне сказали, что обвиняющая сторона будет требовать пожизненного заключения.

- Пожизненное. Ха. Это тоже казнь. Но вместо иглы, ну или стула, да даже топора, просто коробка и терпение. В некотором смысле убивать кого-то временем гораздо более жестоко. Заставляют скучать до смерти, если буквально.

- Мне сказать о твоём мнении обвиняющей стороне?

Лютер нахмурился и отвернулся.

- Думаю, нет, - заключил Давид.

- Зачем ты здесь? - спросил Лютер. - Позлорадствовать?

- Ну... - Давид ухмыльнулся. - Да. Это именно та причина, по которой я здесь.

- Угх. - Лютер с отвращением покачал головой. - Думаю, я получил это за свою импульсивность. Я подумал, что передо мной золотая возможность уничтожить всех соперников. Я должен был узнать всё лучше.

- Верно. Это почти заставляет задуматься, как ты мог оказаться таким безрассудно храбрым.

Лютер долго смотрел на него. - Ох, лжец. Ты пришёл сюда по другой причине.

- Другой ли?

- Ты пришёл узнать моё настроение, - ответил Лютер.

Давид улыбнулся. - Разве я заинтересован в твоём настроении, а? Дорогой брат, наверно мне стоит найти тебе клетку побольше. Твоё эго занимает слишком много места в этой.

- Хех, я бы не отказался от этого предложения. - Он поднялся и подошёл к прозрачной стене, осматривая лицо Давида ближе. - Но нет, ты определённо здесь для того, чтобы посмотреть,

насколько я жалок. Потому что, если я не буду жалок, ты начнёшь размышлять почему.

– Начал бы, да. Так, ты жалок? Я могу сделать что-нибудь, чтобы усугубить это?

– Зная тебя, уверен, можешь. – Лютер ушёл к дальней стене своей камеры. – Что насчёт твоей глубокоуважаемой сестры? Она не почтила меня своим присутствием.

– Уверен, в конце концов она тебя навестит, последнее время она очень занята. Убирает за тобой мусор, ну, ты понимаешь. – Затем была пауза и Давид почти ожидал услышать от Лютера какую-нибудь женоненавистническую шутку насчёт уборки, но, вместо этого, он задал другой вопрос.

– А что насчёт Меривезера?

– Что насчёт него?

– Он ещё меня не навещал, но если ты говоришь правду о моём приговоре, то он, по крайней мере, сдержал своё обещание.

Давид на краткий промежуток времени не был уверен, о каком обещании идёт речь, но затем вспомнил, как Мэри удалось вынудить Лютера сдаться. – Мэри – человек слова, – всё, что сказал Давид.

– Думаю, больше я его дураком назвать не могу.

– Не оказавшись при этом бóльшим дураком – нет. – Как Давид и ожидал, Лютер всё ещё не знал о том, что серия прошлых событий оказалась случайна. И Давид не собирался его посвящать.

Лютер сел. – Ну, так какой же тогда твой вердикт? Я что-то скрываю?

Давид был почти уверен, что да. Но вместо ответа он спросил сам, – Тебе не любопытно, что с твоей женой или детьми?

Лютер замер. – Они мертвы?

– Нет, конечно же нет.

– Чёрт.

Давид нахмурился. – Ты их так ненавидишь? Почему?

– Спроси меня об этом снова, через семнадцать лет после собственной свадьбы.

Давид почти понимал его ненависть к своей жене – эта женщина была безжалостной карьеристкой, и для Лютера она, вероятно, была воплощением всего, что он так ненавидел в знати. Но всё же. – Твоя жена это одно, но даже твои собственные дети?

– Я ненавижу все невыносимые помехи.

Давид чувствовал, как разгорается в нём раздражение, становясь настоящей злостью в одно мгновение, и он ничего не смог с собой сделать, чтобы не подать виду.

– Оу, это тебя волнует? – сказал Лютер. – Хмм. Верно же, да? Ты всегда был добрым дядей.

Давид вздохнул и вновь очистил своё лицо от эмоций. – По крайней мере, для меня есть утешение в том, то ты больше не часть их жизней.

– В этом я с тобой согласен.

– Только для нас ещё есть надежда.

Это заставило Лютера смеяться, дольше и громче чем, наверно, Давид когда-либо слышал от него. Это не о многом говорило, но было удивительным само по себе. Когда голос Лютера вновь пришёл в норму, наступил короткий промежуток тишины. И неожиданно Лютер показался пустым, как если бы этот смех оставил в нём дыру. – Я действительно хотел тебе верить, знаешь ли. Ты единственный из братьев мне нравился.

Давиду нечего было ответить. Четверо мёртвых братьев. Не перечислить, сколько невинных жизней пало от рук Избавления. Для этого человека у Давида не было сочувствия.

– Почему ты решил занять сторону Хелен? – спросил Лютер. – Когда я думаю о том, что мы с тобой могли построить для этой страны, я чувствую, как собираются слёзы.

Давид не мог заставить себя даже посмеяться над ним. – Ты безумен.

И вот он вновь, этот взгляд Лютера. Холодный, плоский взгляд. Но через мгновение, однако, он вновь исчез. – Достаточно, – сказал он. – Давай продолжим нашу игру. Прячу я что-нибудь или нет?

– Несомненно, – ответил Давид.

– Верно. Хотел бы узнать, что это?

– Конечно.

– Чудесно. Тогда я дам тебе подсказку. Если, конечно, ты дашь мне что-нибудь первым.

– Ну, у меня есть два батончика с собой. Я бы поделился с тобой половинкой одного, но только если пообещаешь сказать правду.

– Это не совсем то, о чём я думал, – ответил Лютер.

– Хорошо, ладно. Я дам тебе целый батончик, но только, если ты серьёзно пообещаешь сказать правду.

– Интересно, будешь ты таким же весёлым, когда узнаешь правду.

– Надеюсь на то, – сказал Давид. – Мне нравится считать, что нерушимое чувство юмора вершина целостности человека. Ну, или, по крайней мере, оно полезно для раздражения противников.

– Я хочу телевизор, – сказал Лютер.

Давид чуть тут же не отказал. Наиболее опасное в Лютере – его политический разум, так что давать ему доступ к новостям будет ошибкой. Но поразмыслив над этой проблемой немного дольше, Давид решил, что сможет поработать над этой проблемой. С преднамеренной неохотой в голосе, он сказал, – Это я сделать могу.

Лютер взглянул на него, на мгновение, с подозрением насчёт того, как просто всё прошло. – Сперва телевизор. И письменное соглашение обмена.

– Конечно. Я поговорю с твоим адвокатом и всё улажу.

<http://tl.rulate.ru/book/1701/142948>